А. А-Г. Алиев

ПОШТО ВЛАДИМИР РУСЬ КРЕСТИЛ?
(Нетрадиционный взгляд на один устоявшийся канон)

Аннотация. В статье анализируются предпосылки и практические шаги, направленные на реализацию процессов принятия христианства на Руси в X в. Авторская реконструкция позволяет по-новому интерпретировать основные события этого периода. Анализ биографий и деятельности главных акторов в деле распространения христианского вероучения делается на основе оригинальных трактовок и позволяет говорить о том, что выбор веры, призванной прийти на смену язычеству, не был предопределен объективными обстоятельствами. Он был связан с намерениями Владимира путем женитьбы на Анне Византийской стать претендентом на престол Византийской империи. В последовавших за этим процессах крещения Руси и ее христианизации князь играл второстепенные роли, перепоручив «просветление» народа Анне и прибывшим с ней на Русь византийским церковникам. Нравственное и духовное перерождение Владимира после принятия им новой веры, если оно и состоялось, было больше следствием влияния Анны, не желавшей совместно с мужем-варваром управлять страной «ставроскифов», чем воздействием церковных догматов и поучений. Проповедь христианства встречала упорное сопротивление со стороны приверженцев язычества, в результате чего противостояние между сторонами продолжалось с переменным успехом в течение не одного столетия, а двоеверие просуществовало до нашествия монголов.

Ключевые слова: история Киевской Руси X–XI вв.; Византия и Русь; крещение Руси; княгиня Ольга; династия Рюриковичей; князь Владимир Святославович; Анна Византийская.

Алиев Ариф Али-Гусейнович – доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). Россия, Москва.

Aliev A. Why did Vladimir baptize Russia?
(A nontraditional perspective on the established canon)

Annotation. The article analyses the prerequisites and practical steps aimed to implement processes of Christianity adoption in Rus' in the X century. The author's reconstruction provides a new comprehension of the main historical events of that period. Analy-

sis of biographies and the main actors' deeds of Christian doctrine spread is based on original interpretation and allows to say that the choice of religion intended to replace paganism was not defined by objective circumstances. It was related to Vladimir intentions to become a contender for the Byzantium Empire throne by marriage with Anna Porphyrogenita. The prince has later played minor roles in the following processes of Rus' Christianization, consigning the people's «enlightenment» to Anna and Byzantine clerics that came to Rus' with her. The moral and spiritual rebirth of Vladimir after he accepts the new religion, if it ever took place, was more a consequence of Anna's influence who did not wish to manage the country of Stavroscythians with a barbarian husband, rather than the outcome for the influence of church dogmas and sermons. The Christian preaching has met fierce resistance from the paganism adherences. Therefore, the confrontation between the sides varied successfully for centuries while the religious duality existed until the Mongol invasion.

Keywords: *history of Kievan Rus' X–XI centuries; Byzantine and Rus'; Christianisation of Rus'; Olga of Kiev; Rurik dynasty; Vladimir the Great; Anna Porphyrogenita.*

**Arif Aliev – DSc (History). Head of the History Department.
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
Russia, Moscow.**

Всемирная история дает нам многочисленные примеры жизни и деятельности реформаторов, стремившихся путем прогрессивных – в их понимании – преобразований направить людей от тьмы к свету. На память приходят имена Эхнатона (Египет), Моисея (Израиль), Конфуция (Китай), Будды (Индия), Мухаммада (Аравия), Иисуса из Назарета. В один ряд с ними часто ставят святого Крестителя Руси – князя Владимира Святославовича. Несметное число панегириков в адрес Владимира Красное Солнышко способствовало формированию у россиян образа покрытой сусальным золотом фигуры исторического деятеля. Но, по сравнению с этими титанами, его персона, несмотря на все заслуги, не представляется равновеликой, как бы обидно это ни звучало.

Каковы же были качества человека, которому судьба уготовила стать в ряду святых равноапостольных Русской православной церкви? Послужил ли он, говоря словами Льва Гумилёва, «импульсом пассионарности» самосознания русского народа или просто оказался в нужное время в нужном месте?

В российском общественности то и дело возникают споры относительно как личности самого Владимира, так и проведенной им реформы, во многом на века изменившей вектор развития страны. При этом характерен парадокс: чем больше появляется хвалебных суждений о деяниях Владимира, тем меньше шансов у непредвзятой публики, проявляющей интерес к истории России, докопаться до той исторической правды, о которой настойчиво твердят современные СМИ. Заметим: историческая правда не нуждается в украшательстве и оправдании.

Попытаемся понять, почему на широких просторах Руси не нашлось более достойного человека, чем Владимир – для того, чтобы коренным образом изменить жизнь в России. Его деяния заставляют сомневаться, что этот человек был призван нести Божий свет людям. Вслед за признанием фактов биографии «святого Владимира» богословы делают ошеломляющий вывод: то, что случилось, было делом рук язычника. Приняв же христианство, он замолил «грехи молодости», став благочестивым смиренным послушником, которому может быть прощено все ранее содеянное. Вот, к примеру, характерное суждение об этом современном священнослужителе: «Могущество Божие проявляется в том, что искренним исповедником христианства становится тот, о ком по-человечески и помыслить этого было невозможно» [Духанин 2019].

Используя жанр исторической биографии рассмотрим некоторые эпизоды жизни окружения Владимира, выделяя условия, которые повлияли на формирование личности человека, ставшего впоследствии Крестителем Руси. Каков был характер юноши, с детства слышавшего рассказы о страшной судьбе деда – корыстолюбивого правителя князя Игоря, потомственного Рюриковича, которого подвластные древляне, привязав к верхушкам деревьев, разорвали надвое за взимание с них двойной дани [см. об этом: Королев 2013]. Или об ужасной мести за эту смерть его варяжской бабки – княгини Ольги (Хельги), закопавшей живьем одних древлянских «парламентеров», посланных для мирного урегулирования, заживо спалившей в бане других, опоившей и порубившей 5 тыс. гостей на тризне по Игорю, наставшей на дома древлян птиц с привязанными зажженными паклями, которые и спалили их столицу. Но не за эти страшные деяния она вошла в русскую историю как святая равноапостольная, а за то, что была благоверной правительницей, принявшей христианство в Византии. Ее часто именуют «начальницей веры», «корнем русского христианства».

Ольга приложила руку к воспитанию Владимира, но в целом это воспитание трудно назвать христианским: большее влияние на мальчика оказывал язычник – его дядя по матери (вуй) Добрыня, отец же – единственный сын Ольги и Игоря, как известно, отказался принять христианство и оставался язычником до самой смерти. Ребенок, родившийся от властного отца-воителя князя Святослава и матери-прислужницы Малуши, рос в обстановке своеобразной смеси мультикультурализма и политеизма.

История детей Святослава сложилась как в русских народных сказках: было у отца три сына – Ярополк, Олег, Владимир. Старшие дети – от угорской княжны Предславы, последний – «робычич», но вся слава досталась именно ему. Владимиру, родившемуся около 960 г., не было и 10 лет, когда Святослав выделил своим детям вотчины: «посадил Ярополка в Киеве, а Олега у древлян. В то время пришли новгородцы, прося себе князя... И взяли к

себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, своим дядей, в Новгород...» [ПВЛ 1950, с. 247]. Отметим, что в X в. легитимный переход монархической власти был еще очень гибким, и, хотя внебрачное рождение от безродной ключницы не делало Владимира полностью бесправным, оно отнюдь не увеличивало его шансов на киевский престол.

Так Святослав первым из русских князей совершил ошибку, которую раз за разом будут повторять многие поколения правителей: разделил территорию страны на вотчины между своими сыновьями. Эта практика неизбежно вела к раздроблению целого на части (своего рода федерализации), к возникновению междоусобиц, продолжавшихся до XV в., времени создания русского централизованного государства. В итоге раздробленная Русь оказалась неготовой достойно противостоять монгольскому нашествию.

Естественно, что отношения между сыновьями Святослава вряд ли можно было назвать братскими. Каждый из них стремился к самостоятельности, и, проживи Святослав дольше, его судьба могла быть схожей с судьбой короля Лира.

После гибели отца в 972 г. между Святославичами отношения окончательно испортились. Толчком к началу междоусобицы принято считать убийство в 975 г. Люта, сына прославленного воеводы, соратника Святослава – Свенельда. Лют охотился в древлянском лесу, где княжил Олег. «В лето 6483. Лов деючи Свеналдичю именем Лют. Шед бо ис Киева, гна по звери в лесе. и узре Олег, и рече: “Кто се есть?” И реша ему: “Свеналдичь”. И заехав й, уби й, бе бо ловы деа Олег» [цит. по: Арциховский 1944, с. 26].

Ярополк, давно вынашивавший планы расширения своего княжества за счет владений братьев, легко поддался на уговоры воеводы Свенельда, жаждущего мести за сына, и направил войска в древлянские земли. Полки Олега были разбиты под Овручем. Князь Олег упал с моста во время бегства от киевской дружины и был задавлен в крепостном рву другими воинами и лошадьми. Ему было, по разным данным, от 15 до 20 лет, и он не успел обзавестись наследником. Отметим, что древлянская земля оказалась неблагоприятной к Рюриковичам: на ней нашли свою смерть три представителя династии. Первым погиб Игорь Рюрикович (945), вторым был его внук – древлянский князь Олег Святославович (977), следующим окажется древлянский князь Святослав Владимирович, убитый в 1015 г. по приказу единокровного брата Святополка Окаянного.

Ярополк решил, воспользовавшись случаем, присоединить земли древлян к своим владениям. За несколько месяцев была достигнута цель всего прошедшего со времен призвания Рюрика столетия – почти вся Русь оказалась под началом киевского князя Ярополка. Что касается младшего брата, то, как писал Н.М. Карамзин, Владимир, Князь Новгородский, узнав о кончине брата и завоевании древлянских земель, устранился Ярополкова властолюбия и

бежал за море к варягам [см. подробнее: Карамзин 1988]. Конечно, он бежал не один, а забрав с собой верную дружину и казну. Ярополк же направил в Новгород своих наместников и стал править единолично.

Можно по-разному оценивать побег князя Владимира: как проявление благоразумия и осмотрительности, или как поступок труса, думающего о собственном спасении и оставившего без защиты новгородцев, доверивших ему правление и, возможно, даже собственную мать, которая в 970 г. была отправлена с ним в Новгород.

Так или иначе Владимиру удалось к 978 г. накопить силы для возвращения: собрать войско и заручиться поддержкой конунгов. С варяжским войском он вернулся на Русь. Новгород был быстро взят. Владимир не стал казнить наместников Ярополка, а отправил с ними послание: «Идите к брату моему и скажите ему: “Владимир идет на тебя, готовься с ним биться”. И сел в Новгороде» [ПВЛ 1950, с. 251].

Памятуя о том, что древляне затаили злость на Ярополка за убитого князя, Владимир отправился в земли недавно убитого Олега. Осуществить эти планы было невозможно без согласия полоцкого князя Рогволода (Рогъволодь, 920–978). Укрепить свое положение он решил посредством брачных уз с его красавицей-дочерью по имени Рогнеда. Однако княжна воспротивилась браку с «сыном рабыни», связывая мысли о замужестве только с великим киевским князем Ярополком, невестой которого была. Отец поддерживал планы дочери, считая Владимира менее достойным ее руки. В глазах Рогволода Владимир был всего лишь авантюристом, не имевшим достаточного политического веса, несмотря на поддержку варяжской дружины. В итоге сваты вернулись ни с чем. Владимир был взбешен нанесенным оскорблением и унижен отказом.

Понимая, что Владимир не стерпит полученных обид, Рогволд двинул полоцкую рать на войска Владимира, чтобы предупредить его нападение. Столкновение войск завершилось разгромом полоцкого князя; раненый, он укрылся за стенами своей столицы. После недолгой осады город был взят, а Рогволд со всей своей семьей сдался на милость победителя.

Милость Владимир проявил своеобразно: он изнасиловал Рогнеду на глазах ее родителей, а затем приказал лишить жизни Рогволода, его жену и сыновей. Возможно, тем самым он невольно избавил их от страданий постоянного осознания того, что не уберегли дочь от публичного поругания. Можно смело предположить, что родителей Рогнеды убили в ее присутствии – не могли отказать себе в таком удовольствии. Согласно Лаврентьевскому списку, именно Добрыня велел Владимиру совершить насилие над Рогнедой в присутствии отца и матери и убить их [см. об этом: Лаврентьевская летопись 2012].

Захват девушек в плен был обычным явлением, но изнасилование знатной девушки на глазах ее родителей, а затем их убийство не было нормой поведения даже во времена язычества. Во все века подобные действия осуждались. Трудно угадать, что двигало Владимиром: ярость от нанесенного оскорбления либо тонкий расчет не дать объединиться силам Ярополка и Рогволода. Возможно – и то, и другое.

В результате Владимир со своей дружиной, усиленной полоцкими воинами, перешедшими на его сторону, двинулся к Киеву. Рогнеда вынуждена была поехать с ним как «водимая» (вошедшая в дом по обряду, то есть законная) жена. Кстати говоря, к тому времени Владимир уже имел варяжскую жену Олову, родившую ему первого сына Вышеслава.

Вскоре Владимир во главе сводного войска оказался у стен Киева, где засел Ярополк. При посредстве предателя Блуда он позвал брата якобы для ведения переговоров. «И пришел Ярополк ко Владимиру; когда же входил в двери, два варяга подняли его мечами под пазухи...» [ПВЛ 1950, с. 253]. В качестве «приза» Владимиру досталась беременная жена Ярополка, красавица «грекиня», которая стала «залежею не по браку», т.е. наложницей князя. Татищев упоминает ее под именем Предслава [Татищев 1962, с. 102].

В итоге 18-летний Владимир стал единоличным правителем Руси. Престол достался Владимиру не по праву наследования, а в результате кровавой усовицы между братьями. Хотя «Повесть временных лет» датирует гибель Ярополка и вокняжение Владимира 980 г., более ранний документ «Память и похвала князю Владимиру» приводит точную дату – 11 июня 978 г. [Память и похвала князю Владимиру 1997]. Братоубийство позволило Владимиру достичь двух целей: во-первых, стать единственным наследником рода Рюриковичей, и, во-вторых, предстать перед народом в качестве правителя, осуществившего справедливое возмездие за убийство.

В начале своего правления Владимир «поставил кумиры на холме... деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь». Идолов называли богами, свидетельствует летопись, «и приводили своих сыновей и дочерей, и приносили жертвы бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими» [ПВЛ 1950, с. 254].

Чем объяснить намерение Владимира к установлению культа главного бога, Перуна? Князь интуитивно чувствовал, что создание централизованного государства во главе с единоличным правителем невозможно в условиях поклонения разным богам. Он разрушил прежнюю иерархию языческих богов, в которой Перун занимал далеко не первое место, и выстроил новую, где сделал его главным божеством. Эта реформа также предоставляла ему возможность успешно противостоять другим религиозным течениям – прежде всего христианству, которое имело достаточно свободное хождение в первую

очередь в Киеве и Новгороде. Попутно решалась локальная задача ослабления позиций немногочисленных, но влиятельных сторонников Ярополка, которых тот, хотя сам и не принял христианскую веру, всячески поддерживал.

После обновления «табели о рангах» языческих богов Владимир укрепил свое положение победами на поле брани. В 981–985 гг. он завоевал Червень и Перемышль, обложил данью вятичей, покориł ятвягов, сходил походом на радимичей и на волжских булгар [ПВЛ 1950, с. 256].

Победы Владимира на полях сражений соседствовали с его успехами на любовном фронте. Летописцы, современные отечественные богословы и служители культа не отрицают того факта, что Владимир был весьма похотлив. Как сообщает летопись, «был же Владимир побежден похотью, и были у него жены: Рогнеда... от нее имел он четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, и двух дочерей; от гречанки имел он Святополка, от чехини – Вышеслава, а еще от одной жены – Святослава и Мстислава, а от болгарыни – Бориса и Глеба». В этой картине не было ничего необычного, поскольку многоженство являлось обыденным явлением в языческой Руси. Обращает на себя внимание количество наложниц, которых содержал Владимир: «а наложниц было у него 300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 на Берестове... И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растля девиц» [ПВЛ 1950, с. 255]. Думается, что эти женщины предназначались для утех не только Владимира, но и его дружинников, а конкретные названия мест указывают на три центра, в которых могла квартироваться «личная гвардия» киевского князя.

О том, как проводили свободное от военных подвигов время князь и их дружины, писал Ахмед Ибн-Фадлан (877–960) – арабский путешественник и дипломат. Речь в его труде идет не о Владимире и его окружении, а о нравах, царивших в X в. в языческой Руси, хотя есть основания полагать, что ко времени княжения Владимира мало что изменилось. Ибн-Фадлан сообщал, что к обычаям «царя русов» относится то, что в его замке находятся 400 мужей из числа его сподвижников, и «с каждым из них девушка, которая служит ему, и моет ему голову, и приготавливает ему то, что он ест и пьет, и другая девушка, которую он употребляет как наложницу»; а на ложе царя сидят «сорок девушек для его постели. Иногда он употребляет, как наложницу, одну из них в присутствии своих сподвижников... И он не спускается со своего ложа, так что если он захочет удовлетворить потребность, то он удовлетворяет ее в таз, а если захочет поехать верхом, то лошадь его подводится к ложу...» [Ибн-Фадлан 1939, с. 84].

Господствовавшие на Руси языческие нравы в полной мере отвечали потребностям любвеобильного Владимира. Неумный правитель, обзаведясь сонмом официальных жен и обширным числом наложниц, не брезговал случайными женщинами, на которых останавливался его похотливый взгляд.

Половая распущенность Владимира вполне может сравниться с нравами жителей упадка Рима. Но в глазах современников подобное поведение не осуждалось, а рассматривалось как олицетворение могущества властителя. В итоге, как оказалось, Владимир стал отцом, по разным данным, от десяти до 13 сыновей и от двух до десяти дочерей.

Должно было случиться нечто экстраординарное, чтобы в целом гедонистическая жизнь князя Владимира подверглась коренным изменениям. На размеренном бытии Киевской Руси неожиданно сказались события в далекой Византии.

Со второй половины 980-х годов Византия была охвачена кризисом, связанным с мятежом военачальника Варды Фоки, поставившим империю на край гибели. К моменту начала мятежа против правящего дуумвирата братьев Василия II и Константина VIII русы еще были врагами Византии. К 988 г. мятеж уже представлял реальную опасность существующей власти в связи с растущей мощью войск мятежника. Казна василевсов к этому времени заметно истощилась из-за военных расходов, и нужда побудила Василия II послать к «царю русов».

Хотя история не донесла до нас подлинные сведения о содержании переговоров – их подробности, как и точное их время, неизвестны, очевидно, что речь шла о материальной компенсации либо об иной форме оплаты военной поддержки, оказанной Владимиром. Не страдавший альтруизмом киевский князь скорее всего размышлял об укреплении своего положения среди правителей соседних государств. В качестве одного из таких шагов мог бы, как он полагал, стать династический брак между Рюриковичами и византийскими императорами.

В итоге переговоров Византия получила шеститысячный отряд русско-варяжских наемников, и усиленная им правительственная армия василевсов зимой 987–988 г. разгромила часть войск Фоки у Хрисополя, благодаря чему мятеж удалось подавить. В свою очередь василевсы обещали князю Владимиру за помощь в войне руку своей сестры – честь, в которой незадолго до того было отказано германскому императору. Здесь из глубины веков начинается проступать фигура рыжеволосой красавицы, получившей от соотечественников прозвище Руфа («Рыжая»), сестры правящих василевсов – Анны Византийской, ставшей впоследствии «разменной монетой» в руках политиканов.

Анна родилась 13 марта 963 г. в семье византийского императора Романа II, умершего через два дня после ее рождения. Ее мать Феофано, оставшись одна с маленькими детьми – братьями Василием и Константином и новорожденной дочерью, решила на брак с нелюбимым Никифором II Фокой, которого в 969 г. убивает вместе с любовником – Иоанном I Цимисхием. Взойдя на престол, Цимисхий взваливает на Феофано всю ответственность за убийство

Никифора II и добивается ее изгнания в отдаленный монастырь. Вместе с матерью была вынуждена покинуть Константинополь и шестилетняя Анна, и только в 976 г. они получают возможность вернуться в столицу.

И вдруг, когда после долгих тягот и лишений, связанных с изгнаниями, перед Анной открылись перспективы обрести благополучие и семейное счастье как принцессы правящего дома Багрянородных, судьба подбросила ей новое испытание: она должна была дать согласие на брак с неведомым правителем варварской страны – язычником Владимиром.

Анна выразила ожидаемое решительное несогласие и имела на то полное основание. Недопустимость подобных браков, согласно заветам Константина Великого, была подробно обоснована Константином VII в трактате «Об управлении империей» (гл. 13): «Если когда-либо народ какой-нибудь из этих неверных и нечестивых северных племен попросит о родстве через брак с василевсом ромеев, т.е. либо дочь его получить в жены, либо выдать свою дочь... должно... отклонить и эту их неразумную просьбу, говоря такие слова: ...никогда василевс ромеев да не породнится через брак с народом, приверженным к особым и чуждым обычаям, по сравнению с ромейским устройством, особенно же с иноверным и некрещеным...» [Константин Багрянородный 1991, с. 59].

Когда к Владимиру поступила просьба василевсов об оказании военной помощи в борьбе против восставшего Варды Фоки, он, взвесив все плюсы и минусы, принял самое амбициозное решение: за военную помощь получить в жены византийскую принцессу и приобщиться к правящему клану василевсов. Подобный выбор можно смело назвать дальновидной политикой, и, хотя он сам вряд ли мог рассчитывать на византийский престол, каждый ребенок, рожденный от Багрянородной, мог, при удачном стечении обстоятельств, претендовать на него: как известно, македонская династия пресеклась на императорах Василии и Константине – первый не имел детей, а у второго родились лишь дочери.

Анна с трудом поддалась уговорам братьев о необходимости этого брака для судеб страны: «Может быть, обратит тобою Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь? Теперь же, если не пойдешь, то сделают и нам то же» [ПВЛ 1950, с. 275]. Анна согласилась, но выдвинула единственное приемлемое для нее условие – жених должен полностью отказаться от язычества и принять христианство.

Отправив воинский контингент в Византию, князь Владимир выполнил свою часть обязательств перед василевсами. Дальнейший ход событий не совсем ясен. Одни источники сообщают, что Владимир стал дожидаться невесты у днепровских порогов, по другим данным – в Херсонесе (пригороде нынешнего Севастополя), именовавшегося в русских летописях Корсунь [см. об

этом также: Медельцов]. Однако корабли с византийским посольством во главе с Анной все не появлялись. Взбешенный Владимир заподозрил василевсов в обмане, вместе с дружиной снялся с места, вторгся в пределы византийских владений в Крыму и осадил Корсунь.

Жители города мужественно держали оборону. Осада Корсуни, согласно летописям, длилась от шести до девяти месяцев [о сроках осады Корсуни см. также: Роменский 2013, с. 310–328]. В результате коварного предательства корсунянина Анастаса, выдавшего врагу место подачи воды в город, осажденные, чтобы не умереть от жажды, сдались.

Войдя в Корсунь Владимир не мог отказать себе в традиционном удовольствии – публичном изнасиловании. На этот раз жертвой стала дочь местного правителя: Владимир князя Корсуньского с княгиней взял в плен, а «дщер ихъ к себѣ взял въ шатер, а князя и княгиню привяза оу шатерныя сохи, и съ ихъ дшерію пред нѣмѣ безаконство сотвори. И по трехъ дньехъ повелѣ князя и княгиню убити, а дщер их за боарина Ижберна дал ...» [цит. по: Темчин 2017, с. 294–305].

Выдвигалась другая версия причины нападения Владимира на Корсунь – город отложился от империи, присоединившись к мятежу Варды Фоки, и Владимир действовал против него как союзник Василия II [см. подробнее: Роменский 2011, с. 46–52].

Три дня княжья дружина насильничала и грабила Корсунь, что для тех лет являлось нормой поведения для победителей. А затем Владимир отдал разоренный город в качестве «вено» (выкупа за невесту) византийским василевсам. Другими словами, он откупился чужим добром – вернул грекам им же принадлежавшее.

Владимир пригрозил, что, если обещанная сестра василевсов не прибудет в Херсонес, та же участь постигнет и Константинополь. Обеспокоенные василевсы ускорили сборы посольства, и Анна отправилась в трехдневный морской путь навстречу новым испытаниям. Рассказы об этих событиях обросли легендами. Говорили, что коварные византийцы попытались всучить Владимиру другую, похожую на Анну, девушку, но фокус не удался, и лже-Анна была разоблачена [см. подробнее: Карпов 2004.]

Судя по разговорам о подмене Анны другой женщиной, Анну за пределами Византии никто не видел. Имелись сообщения, что в состав флотилии хитрые греки включили корабль с отравленным вином на борту [Древний корабль принцессы Анны 2011]. Однако удостовериться в пагубности воздействия заморского зелья на опытных любителей застолий не представляется возможным, поскольку судно затонуло. Но попавшее в летопись замечание автора о том, что разболелся «в то время Владимир глазами, и не видел ничего, и скорбел сильно, и не знал, что сделать» [ПВЛ 1950, с. 275], дает основания предполагать, что часть отравленного зелья все-таки оказалась на столе

князя. Согласно летописи, прозрение произошло в момент возложения руки корсунского епископа на Владимира в знак принятия им христианской веры.

Анна прибыла со всем своим двором и священнослужителями, обеспечив тем самым себе поддержку со стороны влиятельных представителей «партии власти». Прибывшие с ней церковные иерархи провели обряд крещения для дружины, уверовавшей в Христа после исцеления Владимира, за чем последовал торжественный обряд венчания. Вопрос о том, в каком году (988 или 989) произошли описываемые события, остается открытым до сих пор.

Предложенная интерпретация событий плохо вяжется с кочующим из книги в книгу сюжетом о долгих глубокомысленных размышлениях князя относительно достоинств той или иной религии, завершившихся предпочтением, крещения по византийскому образцу. Речь идет о том, что Владимир якобы решил провести своеобразный конкурс на лучшее вероисповедание. В этих целях он пригласил в Киев представителей разных конфессий. Владимиру изобретать что-то новое не было необходимости: все уже было «придумано» до и за него. Три мировые религии откровений – иудаизм, христианство и ислам – были положены к его ногам. Он не был масштабной фигурой, способной на разработку «собственного» вероисповедания. Да он к этому и не стремился. Проведенная им «перунизация» Руси выглядела как высшее достижение его боготворческого опыта.

Нестор приступил к составлению «Повести временных лет» только через 60 лет после смерти Владимира и, следовательно, не был свидетелем описываемых им событий о «выборе веры». Поэтому мотивы отказа Владимира принять ту или иную религию в тексте летописца выглядят весьма поверхностно.

По разным причинам Владимир отверг предложения «хазарских евреев», «иноземцев из Рима» и «болгар магометанской веры». В частности, предложения мусульман не были приняты по причине нежелания совершать обряд обрезания, неспособности отказа от свиного мяса и алкоголя, о котором князем было заявлено на «Руси есть веселие пить: не можем без этого быть» [ПВЛ 1950, с. 258]. Фраза о питии в последнее время все реже цитируется, дабы не придавать святости застольям в условиях целенаправленной государственной политики борьбы с алкоголизмом. Однако налицо парадокс: в современной России начиная со времен «перестройки» усилиями «интеллектуалов», таких как Е.К. Лигачев, В.Р. Мединский, В.В. Милонов, развязана бесперспективная война против явления, которое около 1000 лет назад послужило главным аргументом в пользу отказа от ислама ради принятия веры Христовой. А ведь, как известно, в конце X в. Русь была в шаге от того, чтобы сделаться Киевским халифатом.

Владимир остановил свой выбор на византийском правоверии, которое привлекло его внимание прежде всего своей внешней атрибутикой: роскошью храмов и величием церковных обрядов. Станным при этом выглядит

факт, что предпочтение было отдано Византии именно в тот момент, когда в стране, охваченной гражданской смутой, василевсы вынуждены были уповать на военную помощь главы языческого государства. Не тешил ли себя Владимир надеждой приблизиться к престолу в Константинополе? Но чуда не произошло: василевсы откупились, предложив в жены варвару-язычнику свою сестру Анну. Несмотря на обретение статуса зятя и крещение, приближения к престолу не произошло: «хитрые греки» подсунили Владимиру засидевшуюся в девках сестру и продолжали смотреть на него, как на варвара.

«По возвращении в Киев, – писал С.М. Соловьев, – Владимир прежде всего крестил сыновей своих и людей близких» [Соловьев 1874. Т. 1, гл. 7]. По случайности число крещеных сыновей Владимира – 12 – совпало с числом апостолов Христа, что позднее позволяло летописцам вкладывать в это крещение дополнительный сакральный смысл.

Как и всякая разумная жена, Анна начала реформы на Руси с упорядочения сексуальной жизни супруга. Усмирить плоть Владимира можно было только одним способом – для начала принудить к разводу с официальными «водимыми» супругами, разогнать «гаремы» и положить конец разгульному времяпрепровождению в окружении многочисленных наложниц. В итоге жены Владимира с их детьми влостоились почетных изгнаний. Вот как писал об этом В.С. Татищев: «Владимир вскоре после крещения упрощен был отпустить жен от себя, как обещал [ибо христианином стал], и отпустил Вышеслава, который родился от Оловы, княжны варяжской, в Новгород; Гориславу с Изяславом в Полоцк, ее же сына Ярослава в Ростов; Всеволода во Владимир; Предславу с сыном Святополком в Туров; Мальфрид с сыном Святославом в Овруч; Адиль с сыном Мстиславом во Тмутаракань, а Станислава в Смоленск... Прочих жен и дочерей дал в жены ближним своим, не имущим жен...» [Татищев 1962, с. 102]. Был положен конец «казачьей вольнице», и о наложницах (300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 в Берестове) в летописях более не упоминалось. Появление такого количества свободных красных девиц вполне могло превратить эти поселения в некое подобие современного Иваново – «города невест». Поскольку в дальнейшем упоминания о нескончаемых загулах и изменах князя Владимира в первоисточниках отсутствуют, можно предположить, что усилия Анны не пропали даром, хотя не исключено, что князь умело избегал супружеского надзора.

Следующий шаг на пути к христианизации Руси князь Владимир должен был сделать сам. Иначе он не был бы понят и поддержан подданными. И в один прекрасный день перед удивленными киевлянами предстала необычная картина: деревянный кумир языческого бога Перуна, которому как верховному божеству поклонялись и приносили человеческие жертвы в течение последних десяти лет, был низвергнут с холма и брошен в грязь. Кто-то из киевлян облегченно вздохнул. Как писал Л.Н. Гумилев, «висевшая над каждым

из них угроза бессмысленной смерти отпала» [Гумилев 1989, XII «Сила вещей»]. Возможно, именно по этой причине Владимир не опасался, что его подданные возмутятся и свергнут правителя, изменившего вере предков.

Владимир приставил 12 мужей колотить Перуна палками. На потеху публики идол, который «вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем» [ПВЛ 1950, с. 279] был привязан к хвосту лошади, притащен к Днепру и сплавлен до самых порогов. Низвергая идолов в Киеве, Владимир, не ведая, повторил деяние мусульманского пророка Мухаммада, низвергнувшего языческих кумиров после покорения мусульманами Мекки в 630 г.

Переход горожан из язычества в христианство был осуществлен по банальному принципу «кто не с нами, тот против нас». Владимир объявил: «Если не придет кто завтра на реку – будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб, – будет мне врагом». На следующий день, дабы сохранить свою жизнь и благосклонность князя, киевляне бросились к Днепру «и сошлось там людей без числа» [ПВЛ 1950, с. 280].

Чем больше рассматриваешь обряд крещения, проведенный Владимиром в Киеве, тем более охватывает ощущение искусственности, театральности, что не укрылось от объективного комментария М.В. Ломоносова, писавшего: «При берегу на плотях стоят облаченные священники и диаконы, река наполнена обнаженными людьми всякого возраста и пола: иные в воде по колена, иные по пояс, другие по шею – моются, купаются, плавают. Между тем читают крещальные молитвы; каждый по особливом погружении получает в крещении имя и помазание миром» [Ломоносов 1766, гл. 9].

Не надо забывать, что греческие церковнослужители, прибывшие с Анной, совершали обряды, смысла которых новообращенные христиане не понимали. Но так было не со всеми: многие, не желая изменять религии предков, бежали из города в леса.

Для кого разыгрывался весь этот спектакль? Этими людьми могли быть только Анна и прибывшие с нею церковники. Объяснение простое: в брачном договоре, где Владимир обязывался принять крещение, не было требования крестить всю языческую Русь. Василевсы были реалистами и понимали, что молодому князю вряд ли одному по силам быстро решить столь сложную задачу, которую не смогла решить даже его бабка – равноапостольная княгиня Ольга.

Анна не хотела управлять страной, населенной «тавроскифами», ехать в страну, народ которой ее дед считал воинственным и безбожным. В этом ее желания совпадали с намерениями василевсов сделать Киев своим геополитическим союзником, что проще было сделать, будь Русь христианской. Лучшего проводника для реализации этих идей, чем Анна, придумать было невозможно. Но ее не устраивала роль стороннего наблюдателя, а возможно, поставщика сведений о положении дел на Руси. Уж если судьбой ей была

уготовлена участь стать женой властителя, то почему бы не попытаться, пользуясь влиянием на мужа, облагородить, наставить на путь истинной веры своих подданных. В этом ей, надо полагать, удалось убедить Владимира. Другими словами, без Анны крещения Руси, возможно, не состоялось бы.

После Киева очередь принять христианство дошла до Новгорода. В отличие от конформистов киевлян, вольнолюбивое население Новгорода оказалось менее покладистым. Методы, использованные здесь, дали возможность многим исследователям трактовать крещение Руси как насильственное.

Из Киева на север двинулась рать под командованием воеводы Добрыни и тысяцкого Путяты. Получив это известие, новгородцы собрали вече, на котором решили организовать оборону и не пускать «крестоносцев» в город. С этой целью они даже установили на мосту две катапульты для метания камней. Местный верховный жрец Богомил, прославившийся как оратор и получивший за это прозвище Соловей, страстно призывал народ к сопротивлению. Волнения охватили весь город. Возможно, Добрыня рассчитывал на поддержку со стороны новгородцев – «христиан первой волны» как на своеобразную «пятую колонну», однако летописи ничего не сообщают об этом, что дает основания предполагать, что городской патриотизм для новгородских христиан в данном случае оказался выше вопросов их вероисповедания. Новгородцы, известные прежде своей толерантностью к иным культурам и верам, грабили дома христиан и разрушили церковь Преображения Господня.

На рассвете на помощь Путяте подоспел Добрыня со своими воинами. Он велел поджечь дома горожан, и те, прекратив сражение, бросились спасать свое имущество. В итоге сеча стихла и «старшие мужи, придя к Добрыне, просили мира». Добрыня положил конец грабежам, приказал, несмотря на мольбы и слезы новгородцев, разрушить капища: деревянных идолов «сжег, а каменные, изломав, в реку бросил».

Часть горожан пришла на крещение добровольно, не желавших воины Добрыни приводили насильно. Пытавшимся увильнуть от обряда под предлогом того, что они уже крещены, на слово не верили – заставляли надевать кресты на шею, если крестов не было – «не верить и крестить». «С того дня люди поносили новгородские: Путята крестит мечом, а Добрыня огнем» [Татищев 1962, ч. 1, гл. 4].

Как мы видим, Владимир здесь не упоминается вообще, хотя ясно, что события в Новгороде проходили с его ведома. Вся ответственность за совершение неблаговидных поступков ненавязчиво перекладывается летописцами на плечи Добрыни. Это суждение разделяли некоторые классики отечественной истории. В частности, С.М. Соловьев писал о нем, что это был старик умный, ловкий, решительный, но жесткий: «если замечается жестокость и насильственность в поступках молодого Владимира, то мы никак не можем приписывать это одному его характеру, не обращая внимания на влияние

Добрыни» [Соловьев 1874, с. 152]. Это звучит странно, так как именно Добрыне суждено будет стать главным прототипом положительного во всех отношениях русского былинного героя – Добрыни Никитича.

После кровавого крещения новгородцев имя Добрыни как злого гения Владимира практически исчезает со страниц летописей, чтобы не компрометировать светлое имя Крестителя, но переключивается в былины. Возможно, это объясняется тем, что имя Добрыни связывают с появлением так называемого «Остромирова Евангелия» – первого Евангелия на старославянском русского извода, написанного дьяконом Григорием в 1056–1057 гг. по заказу внука Добрыни – новгородского посадника Остромира.

Как и многие реформы на Руси, обращение в христианство осуществлялось сверху и насильственно. Катехизация населения еще не началась. Вершители процесса крещения Киева и Новгорода – Владимир и Добрыня не слишком глубоко были знакомы с новой религией. Изучить основы христианской веры они вряд ли могли, скорее всего не владели ни латынью, ни греческим, а упомянутое выше «Остромирово Евангелие» появилось только через 50 лет после смерти Владимира. Но, как известно, после возвращения в Киев Владимир пытается вести себя как истинный блюститель веры.

Трудно сказать, в каком виде были ему донесены христианские заповеди, но он воспринял шестую из них «не убий» в прямом смысле и отменил на Руси смертную казнь. Этот опыт внедрить христианский постулат потерпел фиаско: «общественность» быстро убедила князя в пагубности такой юридической практики. Из этого следует, что он мог уступать давлению окружающих, выступавших наперекор христианским догматам.

Чтобы избавиться от пристрастий, которые, как казалось Владимиру, мешают ему приобщиться к духовным ценностям христианской веры, он стал даже задумываться над возможностью «укрощения плоти», но решить проблему самым кардинальным способом у него не хватило духу. Немецкий хронист Титмар (Дитмар) Мерзебургский (975–1018) писал, что Владимир носил на бедрах перевязь, и желая «усмирить плоть», по-видимому, просто стал ту же затягивать повязку вокруг чресел [Дитмар (еп. Мерзебургский) 2009]. В противном случае, кто знает, может быть, если члены секты скопцов не находились бы в подполье, то входили бы в элитарную группу лиц приверженцев князя. Впрочем, сообщения о том, что Владимир после принятия христианства, чтобы обуздать страсть, задумал умертвить плоть, можно считать забавной исторической притчей.

Полномочия, связанные с проблемами христианизации, Владимир делегировал Анне. Сам же он сосредоточил свое внимание на военных походах и строительстве оборонительных сооружений: 990 г. – война с польским князем Мечиславом (Мешко I); 991 г. – заложен город Белгород на р. Ирпени; 992 г. – поход на белых хорватов, битва с печенегами на р. Трубеж и закладка

Переяславля; 994 г. – поход на дунайских болгар; 996 г. – битва с печенегам под Василёвом; 997 г. – продолжение «беспрерывной великой войны» с печенегам [ПВЛ 1950, с. 286], 1000 г. – поход на дунайских болгар.

В те же годы Анна занималась распространением новой веры на Руси, строила церкви. Вскоре после крещения киевлян на «Перуновом холме» встала церковь Святого Василия, начала строиться Церковь Пресвятой Богородицы в Киеве (Десятинная церковь), созданная по образу и подобию Фаросской церкви при Большом императорском дворце в Константинополе. Сохранились сведения о многих других храмах, воздвигнутых не без ее участия: церковь св. Георгия Победоносца в Киеве, церковь во имя Преображения Господня в селе Берестове, церковь во имя Преображения Господня в Белгороде, церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы в Суздале. Также в 989 г. в Новгороде были построены две церкви – деревянная во имя св. Софии и каменная во имя Иоакима и Анны; в 992 или в 995 г. в Ростове была сооружена соборная дубовая церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы [см. подробнее: Сторчевой 2019]. Строили церкви приглашенные ею мастера из Византии. По рекомендации Анны князь Владимир приобрел на горе Афон скит для русских монахов. Подобные факты склоняют к неприятному для многих почитателей князя выводу, что крещение Руси осуществлялось не Владимиром, а при Владимире.

В активной деятельности Анны нет ничего удивительного – в Византии женщины правящего дома получали прекрасное образование и часто играли ведущие роли в вопросах государственного управления. Анна выросла в обстановке поощрения наук: при Константине VII был создан скрипторий по изготовлению копий и переводов рукописей ученых. Из Византии Анна привезла греческий церковный устав «Номоканон», который по ее настоянию был адаптирован к русским реалиям и получил название «Кормчая книга» – свод светских и церковных законов. Участие Анны в его создании подтверждают слова «Устава» Владимира: «Се аз, князь Володимир, сгадав есми с своею княгинею Анною и со своими детьми...» [Устав святого князя Володимира 1901].

Анна заложила основы для создания школ «учения книжного», где первыми наставниками были греки и болгары. Владимир для этого послал «собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное» [ПВЛ 1950, с. 280]. Впоследствии такие учебные заведения открылись при монастырях в Киеве и Новгороде. По приглашению Анны в Киев прибыло много профессиональных ремесленников, строителей, лекарей.

Анна считалась правительницей Корсуни, ей как Багрянородной должно было подчиняться местное духовенство. Формально после крещения русские люди становились подданными Анны, а сама она – главой русской церкви, которую на самом деле возглавил митрополит Корсуни [см. подробнее: Морозова 2017].

Последнее сообщение об Анне относится ко времени, когда ей исполнилось 48 лет: «В год 6519 (1011) представилась Владимирова царица Анна» [ПВЛ 1950, с. 288]. Владимир заказал камнерезам из Византии мраморный саркофаг и установил его в церкви Пресвятой Богородицы. В 1015 г. в той же церкви появится еще один – князя Владимира [Мирзоян 2012].

Византийская принцесса, хотя и внесла огромный вклад в христианизацию Руси, не была, подобно Ольге или Владимиру, канонизирована. Замалчивание ее деяний было заложено митрополитом Киевским и всея Руси Иларионом (1051–1055), стремившимся к большей самостоятельности и дистанцированию от Константинополя. Эта тенденция пережила века.

Характерно, что Владимир при крещении своих 12 сыновей не ввел в обиход их христианские имена, что по логике вещей должно было стать, наряду с ношением нательного креста, главным атрибутом принятия новой веры. В чем причина такого пренебрежения? Почему, к примеру, в историю сын Владимира, крещеный как Георгий, вошел как Ярослав (Мудрый), Петр – как Святополк (Окаянный), а Роман и Константин – как братья-мученики Борис и Глеб? Хотя невозможно представить, чтобы на российский престол вошла Софья Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, а не Екатерина II Алексеевна.

Стремление сохранять прежние имена объясняется силой языческих традиций, согласно которым родовые имена несли некий сакральный смысл, служа его владельцу оберегом или подтверждая его принадлежность к роду. Появление нового имени лишало владельца этих «защитных» функций. Поэтому христианству на Руси довольно долго, не менее пяти веков, не удавалось сломить эту тенденцию. Параллельно появилось и двуязычие. Отсутствие священников, ведущих службы на архаичном славянском языке, компенсировалось близким староболгарским языком проповедников, который переплетался с разговорным.

Владимир, поглощенный походами, похоже, не стремился форсировать события, ведь вероисповедание в соответствии с византийской доктриной подтверждало неограниченность княжеской власти: церковь не могла быть выше государя. Правитель в свою очередь обязан был помогать Церкви в борьбе с неверием. И хотя именно при Владимире был издан указ об обучении детей из «лучших семей», первые священники из местного населения появились только при его сыне Ярославе.

Безусловно серьезным тормозом в распространении христианства было отсутствие общего языка между священнослужителями и неофитами. Богослужение велось на греческом, знание которого не было распространено среди населения. Более 100 лет (с 863 г.) существовал церковнославянский язык, появление алфавита которого связывают с именами Кирилла и Мефодия, но он также не был обиходным. Кроме того, трудности в укоренении христиан-

ства возможно были связаны с тем, что в глазах многих русичей Анна и прибывшие с ней миссионеры выглядели чужаками, говорившими и осуществлявшими познание Христовой веры на непонятном языке. Это естественным образом сдерживало процессы укоренения христианства, как бы подтверждая слова апостола Павла в Первом послании к коринфянам: «Если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению? Так, если и вы языком произносите невразумительные слова, то как узнают, что вы говорите? Вы будете говорить на ветер» (1 Кор 14:8, 9).

Серьезная роль отводится обрядовой стороне богослужения. И здесь вновь нельзя не отдать дань уважения византийской принцессе. Иконы и церковная утварь, привезенные Анной, послужили образцами для русских иконописцев и золотых дел мастеров. Анна вводит в церковный обиход новые для русичей празднества, быстро превращающиеся в традиции. В частности, именно ей приписывают ежегодное празднование дня Успения Богородицы. Но несмотря на авторитет Анны и христианских богословов на Руси долгое время сохраняется двоеверие, при котором сосуществуют языческие традиции и христианские празднования. Яркими примерами тому служат день святого Иоанна, известный в народе как Иван Купала, или проводы зимы в преддверии Великого поста – Масленица. Другими словами, беспрепятственного «триумфального шествия» христианской веры мы не наблюдаем: христианизация Руси осуществлялась более 200 лет, до монгольского нашествия.

Воцерковленность князей мало что изменила в их менталитете, особенно в том, что касается христианского миролюбия. Последние годы жизни Владимира были омрачены конфликтами с сыновьями: Святополк, князь Туровский, устроил заговор против отца и был отправлен под стражу; Ярослав, посаженный отцом княжить в Новгороде, прекратил выплачивать новгородскую дань Киеву. В ответ Владимир, не колеблясь, начинает готовиться к военной кампании против собственного сына – Ярослава, но заболевает. Болезнь была трудной и долгой. 15 июля 1015 г. он умирает.

Вряд ли стоит удивляться тому, что после смерти князя Владимира внутрисполитическая борьба еще более обострилась. Между его сыновьями Святополком и Ярославом развернулась кровопролитная война за власть (1015–1019), в ходе которой были насильственно лишены жизни три их брата: Борис и Глеб (позже канонизированные) и Святослав (не причисленный к лику святых). Борьба завершилась в пользу Ярослава. Победивший в междоусобице князь был прозван народом «Мудрым», а проигравший – «Окаянным».

Ярослав Мудрый выдал своих дочерей за коронованных особ Европы: Анастасию в 1039 г. за короля Венгрии Андрея (Эндре), Елизавету в 1045 г. за короля Норвегии Харальда III, Анну в 1051 г. за короля Франции Генриха I. Интересно, что год смерти Ярослава Мудрого (1054) мистически совпал с расколом церкви на римско-католическую на Западе (с центром в Риме) и греко-

византийскую на Востоке (с центром в Константинополе). При этом символично, что его дочери не отказались от своих царственных супругов теперь уже католического вероисповедания ради греко-византийского.

Позже, через 15 лет после смерти Ярослава Мудрого, развязалась война уже между внуками Владимира Святого. Так начиналась бурная и непредсказуемая история христианской России.

Библиография

- Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.: Изд-во МГУ, 1944. 108 с.
- Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989. 766 с.
- Дитмар (еп. Мерзебургский). Хроника: В 8 кн. / Изд. подгот. И.В. Дьяконов; пер. с лат. И.В. Дьяконова. 2-е изд., испр. М.: Русская панорама, 2009. 254, [1] с.
- Древний корабль принцессы Анны // Корабельный портал. 2011. 11 дек. URL: http://korabley.net/news/drevnij_korabl_princessy_anny/2011-12-11-1032 (дата обращения: 05.06.2021).
- Духанин В. Равноапостольный князь Владимир Великий // Pravoslavie.ru 2015. 28 июл. <https://pravoslavie.ru/80933.html> (дата обращения: 10.05.2021).
- Ибн-Фадлан А. «Записка» о путешествии на Волгу // Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и коммент. А.П. Ковалевского; под ред. И.Ю. Крачковского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 228 с.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания пятого, выпущенного в трех книгах с приложением «Ключа» П.М. Строева. М.: Книга, 1988. Кн. 1. 703 с.
- Карпов А.Ю. Владимир Святой. Изд. второе, испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2004. 454 с.
- Константин Багрянородный. Об управлении Империей. [Греч.] текст, пер., коммент. / Пер. под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. 2-е изд., испр. М.: Наука. 1991. 493, [3] с. (Древнейшие источники по истории народов СССР).
- Королев А.С. Некоторые загадочные обстоятельства гибели в земле древлян киевского князя Игоря Старого. История РФ // ВикиЧтение. URL: <https://history.wikireading.ru/79650> (дата обращения: 05.06.2021).
- Лаврентьевская летопись: [цифровая копия]. Электронные текстовые данные (350 файлов, 1 файл (kontrol shkala): 6362,7 Мбайт). СПб.: Российская национальная библиотека, 2012 // Президентская библиотека. URL: <https://www.prilib.ru/item/342021> (дата обращения: 05.06.2021).
- Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб.: Алетей, 2001. 608 с. (Византийская библиотека).
- Ломоносов М.В. Древняя Российская история от начала Российского народа до Великого Князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб.: Императорская Академия наук, 1766. 126 с.
- Медельцов А. Начало православной Руси. Поход на Корсунь и крещение Владимира // Первое Борисовское благочиние Борисовская епархия Белорусская Православная Церковь. URL: https://www.blagobor.by/article/history/pohod_vladimira (дата обращения: 05.06.2021).
- Мирзоян Г. Как армянка Анна Русь крестила // Ноев ковчег. М., 2012. № 4 (187). URL: <https://noev-kovcheg.ru/mag/2012-04/3097.html> (дата обращения: 05.06.2021).
- Морозова Л.Е. Великие и неизвестные женщины Древней Руси. М.: Академический проект, 2017. 391 с. (История России).
- Память и похвала князю русскому Владимиру / Подготовка текста, перевод и коммент. Н.И. Милютенко // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб.: Наука, 1997. 543 с.

Повесть временных лет / Подгот. текста Д.С. Лихачева; Пер. Д.С. Лихачева, Б.А. Романова; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ч. 1–2. 1-е изд. Часть 1. Текст и перевод. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 407 с. (Литературные памятники).

Роменский А.А. Еще раз о причинах Корсунского похода Владимира Святославича // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. 201 вип. Харків, 14. С. 46–52.

Роменский А.А. «Когда пал Херсонес?» К вопросу о ключевом моменте в хронологии русско-византийских отношений конца X в. // Ρομαϊος: Сб. статей к 60-летию проф. С.Б. Сорочана. Харьков: Майдан, 2013. С. 310–328.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 1. Гл. VI, VII. Изд. 5-е. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1874. 361 с.

Сторчевой С. Церкви, построенные св. Владимиром или при Владимире // Почаевская Духовная Семинария. URL: <http://www.pdsem.mrezha.net/pages/p369-sviatiy-knyaz-vladimir.html> (дата обращения: 12.07.2021).

Татищев В.Н. Собрание сочинений. В 8 т. М.; Л.: Наука. 1962–1979. Т. 7, 1962. 500 с.

Темчин С.Ю. Общий элемент двух рассказов о женах князя Владимира: византийской принцессе Анне и полоцкой княжне Рогнеде // Русь эпохи Владимира Великого: Государство, церковь, культура. Материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины... Москва, 14–16 октября 2015 г. / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Назаренко. М.; Вологда: Древности Севера, 2017. С. 294–305.

Устав святого князя Володимира, крестившаго Русьскую землю, о церковных судех // Голубинский Е. История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1 / Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете. М., 1901. С. 621–628.

Reference

Artsikhovskiy A.V. Drevnerusskiye miniatyury kak istoricheskiy istochnik. [Old Russian miniatures as historical documentation]. Moscow: Izd. MGU, 1944. 108 p. (In Russ.)

Ditmar (ep / Merzeburgskiy). Khronika.: V 8 knigakh [Ditmar (bishop Merzeburgskiy). Chronicle: in 8 books] / Publishing is prepared by I.V. Dyakonov; translation from Latin by I.V. Dyakonov. 2nd pub., corrected. Moscow, Russkaya panorama, 2009. 254, [1] p. (In Russ.)

Drevniy korabl printsessy Anny [Ancient vessel of princess Anna]. Korabel'ny'j portal. 2011. 11 Dek. URL: http://korabley.net/news/drevnij_korabl_princessy_anny/2011-12-11-1032 (date of access: 05.06.2021). (In Russ.)

Dukhanin V. Ravnoapostolnyy knyaz Vladimir Velikiy [The Holy Great Prince Vladimir, Equal of the Apostles] Pravoslavie.ru 2015. 28 Jul. <https://pravoslavie.ru/80933.html> (date of access: 10.05.2021). (In Russ.)

Gumilev L.N. Drevnyaya Rus i Velikaya step. Moscow [Ancient Rus and the Great Steppe]: Moscow: Mysl, 1989. 766 p. (In Russ.)

Ibn-Fadlan A. «Zapiska» o puteshestvii na Volgu. [Ibn-Fadlan A. «Notes» about trip to the Volga] / Trip of Ibn-Fadlan to the Volga / Transl. and comments of Kovalevskiy A.P.; ed. by Krachkovskiy I.Yu. M.; L. Akademiya nauk SSSR, 1939. 228 p.

Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo [History of the Russian state]. Reprint reproduction of 5th edition in 3 volumes with an appendix «Key» by Stroev P.M. M.: Kniga, 1988. Book. 1. 703 p. (In Russ.)

Karpov A.Yu. Vladimir Svyatoy [(Holy Vladimir). 2nd edition corrected and added]. M.: Molodaya gvardiya, 2004. 454 p. (In Russ.)

Konstantin Bagryanorodnyy. Ob upravlenii Imperiyei [Bagryanorodnyy Konstantin. Ruling the Empire]. [Greek] text, transl., comment / Trans. edited by Litavrina G.G., Novoseltseva A.P. 2nd edition, corrected. M.: Nauka, 1991. 493, [3] p. (Ancient sources on USSR nations history). (In Russ.)

Korolev A.S. Nekotoryye zagadochnyye obstoyatelstva gibeli v zemle drevlyan kiyevskogo knyazya Igorya Starogo. [Some mysterious circumstances of Kiev prince Igor Stariy's death in the land of Drevlians. History of the RF.] VikiChlenie. URL: <https://history.wikireading.ru/79650> (date of access: 05.06.2021). (In Russ.)

Lavrentyevskaya letopis [Laurentian Chronicle (digital copy)]. Electronic text data (350 files, 1 file (kontrol shkala): 6362,7 MGB). St. Petersburg: Russian National Library, 201). Prezidentskaya biblioteka. URL: <https://www.prilib.ru/item/342021> (date of access: 05.06.2021). (In Russ.)

Litavrin G.G. Vizantiya i slavyane [Byzantine Empire and the Slavs]. St. Petersburg: Aleteya, 2001. 608 p. (Byzantine Library). (In Russ.)

Lomonosov M.V. Drevnyaya Rossiyskaya istoriya ot nachala Rossiyskogo naroda do Velikogo Knyazya Yaroslava Pervogo ili do 1054 goda [Old Russia's history from the beginning of Russian people till Prince Yaroslav I the Great or till 1054 year]. St. Petersburg: Imperatorskaya Academia Nauk Publ., 1766. 126 p. (In Russ.)

Medeltsov A. Nachalo pravoslavnoy Rusi. Pokhod na Korsun i kreshcheniye Vladimira. [The beginning of orthodox Rus. The march to Korsun and Vladimir's adoption of Christianity]. Pervoe Borisovskoe blagochinie Borisovskaya eparxiya Belorusskaya Pravoslavnaya Cerkov'. URL: https://www.blagobor.by/article/history/pohod_vladimira (date of access: 05.06.2021). (In Russ.)

Mirzoyan G. Kak armyanka Anna Rus krestila [How Armenian Anna baptized Rus]. // Noyev kovcheg, 2012. N 4 (187). Noev kovcheg. M., 2012. N 4 (187). URL: <https://noev-kovcheg.ru/mag/2012-04/3097.html> (date of access: 05.06.2021). (In Russ.)

Morozova L.E. Velikiye i neizvestnyye zhenshchiny Drevney Rusi [Great and unknown women of Old Rus]. Moscow: Akademicheskiiy project, 2017. 391 p. (Russian History). (In Russ.)

Pamyat i pokhvala knyazyu russkomu Vladimiru [Memoria and praise to Russian Prince Vladimir] / text preparation, translation and comments by Milyutenko N.I. // Library of Old Rus literature. V. 1. St. Petersburg : Nauka, 1997. 543 p. (In Russ.).

Povest vremennykh let [The Tale of Bygone Years]. text preparation by Likhachev D.S.; Transl. by Likhachev D.S., Romanov B.A.; edited by Andrianova-Perets V.P. Part. 1–2. 1-st edition. Part 1. Text and translation. Moscow; Leningrad: USSR AN Publ., 1950. 407 p. (Literary monuments). (In Russ.)

Romenskiy A.A. Eshche raz o prichinakh Korsunskogo pokhoda Vladimira Svyatoslavovicha [One more time about the reasons of Vladimir Svyatoslavovich's march to Korsun]. Kharkov, 2011. Vip. 14. P. 46–52. (In Russ.)

Romenskiy A.A. «Kogda pal Khersones?» K voprosu o klyuchevom mo-mente v khronologii russko-vizantiyskikh otnosheniy kontsa X v. [«When did Chersonesos fall?» To the question of the key moment in the chronology of Russian-Byzantine relations in the end of the 10th century] // Πομπαιοι: Collection of articles to the 60 th anniversary of prof. Sorochan S.B., Kharkov: Maydan, 2013. P. 310–328. (In Russ.)

Solovyev S.M. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. [History of Russia since ancient times. Book 1. V. 1. Ch. VI, VII. The 5th edition. Moscow: University press (Katkov and K°), 1874–1889. V. 1. 1874. 361 p. (In Russ.)

Storchevoy S. Tserkvi, postroyennyye sv. Vladimirom ili pri Vladimire. [Churches built by St. Vladimir or during his rule.]. Pochaevskaya Duxovnaya Seminariya. URL: <http://www.pdsem.mrezha.net/pages/p369-sviatiy-knyaz-vladimir.html> (date of access: 12.07.2021).

Tatishchev V.N. Sobraniye sochineniy. V 8 [Tatishchev V.N. Collected edition. In 8 v]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1962–1979. (revised edition: Moscow, Ladomir Publ., 1994, V. 7, 1962. 500 p. (In Russ.)

Temchin S.Yu. Obshchiy element dvukh rasskazov o zhenakh knyazya Vladimira: vizantiyskoy printsesse Anne i polotskoy knyazhne Rognede [A common element of the two stories about Prince Vladimir's wives: Byzantine princess Anna and Rogneda, princess of Polotsk.] // Rus of Vladimir the Great period: State, church and culture. Materials of the International scientific conference in memory of thousandth anniversary of death... Moscow, 14–16 October 2015 / Ed.-in-chief Makarov N.A., Nazarenko A.V. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, 2017. P. 294–305. (In Russ.)

Ustav svyatogo knyazya Volodimira, krestivshago Russkuyu zemlyu, o tserkovnykh sudekh. [The charter of church judgments of the holy prince Volodimir, who baptized Rus.] // Golubinskiy E. History of Russian church. Vol. 1. Part 1 / Imperatorskoye obschestvo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom Universitete, Moscow, 1901. P. 621–628. (In Russ.)